

Ирина Васильевна Крюкова

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Волгоград, пр. Ленина, 27)
E-mail: kryukova-irina@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Василий Иванович Супрун

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Волгоград, пр. Ленина, 27)
E-mail: suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

**«Человек созерцающий»
в зеркале региональной ойконимии
(на материале названий населенных пунктов
Волгоградской области)**

Аннотация

Статья посвящена выявлению региональных особенностей ойконимов, отражающих позицию номинатора — человека-созерцателя. Исследование дополняет полученные нами ранее данные об образе человека-деятеля. Такой подход согласуется с активно развивающимся антропоцентрическим направлением в отечественной топонимике, в рамках которого изучается восприятие окружающего пространства человеком в конкретном регионе: Русский Север, Урал, Сибирь и частично Центральная Россия. При этом топонимия юга России с этих позиций практически не исследована. Материалом послужили 530 официальных ойконимов Волгоградской области, отражающих мировосприятие человека-созерцателя (35,5 % от общего числа региональных ойконимов). Исходя из понятия «объект созерцания», мы выделяем три семанτικο-мотивировочные группы ойконимов, каждая из которых включает несколько подгрупп. Они рассмотрены в порядке убывания частотности. К первой группе относятся названия, выделяющие гидрообъект как важную доминанту жизни: 1) отгидронимные ойконимы; 2) названия, образованные от гидрографических терминов и нарицательных слов тематической группы «Река, вода». Вторую группу составляют ойконимы, которые характеризуют расположение поселения в конкретных географических условиях, определяющих качество жизни на территории региона: 1) особенности рельефа; 2) качество почвы; 3) растительность; 4) животный мир. К третьей группе отнесены ойконимы, описывающие сам населенный пункт: 1) относительно других населенных пунктов; 2) безотносительно других населенных пунктов; 3) с точки зрения эмоциональной или эстетической оценки населенного пункта. Полученные результаты вносят вклад в разработку общенаучной проблемы отражения особенностей мировосприятия человека в микросоциуме.

Ключевые слова

региональная топонимия; ойконимия; Волгоградская область; номинатор; модели номинации; семантико-мотивировочная группа, структурная модель

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 25-28-20081 «Образ человека в зеркале региональной топонимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)», <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>

Для цитирования

Крюкова И. В., Супрун В. И. «Человек созерцающий» в зеркале региональной ойконимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области) // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 167–185. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.007

Рукопись поступила в редакцию 29.05.2025

Рукопись принята к печати 30.09.2025

Irina Vasilyevna KRYUKOVA

DrHab, Professor of the Department of Linguistics,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russia)
Email: kryukova-irina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Vasily Ivanovich SUPRUN

DrHab, Professor of the Department of Russian
Language and Its Teaching Methods, Volgograd
State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave.,
400005 Volgograd, Russia)
Email: suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Homo Spectans in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region)

Abstract

This article examines regional features of oikonyms that reflect the perspective of the nominator as a contemplative observer. The study complements previous findings concerning the image of the nominator as an active agent. The approach adopted here aligns with the anthropocentric trend that has been actively developing in Russian toponymic studies, which focuses on how people perceive and conceptualize the surrounding space within particular regions, such as the Russian North, the Urals, Siberia, and, to some extent, Central Russia. By contrast, the toponymy of southern Russia has received little attention from this perspective. The material for the study consists of 530 official oikonyms of the Volgograd Region that reflect the worldview of the contemplative observer (35.5% of the total number of regional oikonyms). Based on the notion of an “object of contemplation,” three semantic and motivational groups of oikonyms are identified, each comprising several subgroups. These groups are analysed in order of decreasing frequency. The first group includes names that highlight water bodies as a key feature of local life: (1) oikonyms derived from hydronyms,

and (2) names formed from hydrographic terms and common nouns belonging to the semantic field “river, water.” The second group comprises oikonyms that characterize the location of a settlement within specific geographical conditions shaping the quality of life in the region: (1) relief features, (2) soil quality, (3) vegetation, and (4) fauna. The third group includes oikonyms that describe the settlement itself: (1) in relation to other settlements, (2) independently of other settlements, and (3) in terms of the emotional or aesthetic evaluation of the settlement. The results contribute to the broader scholarly discussion of how features of human perception of the surrounding world are reflected in the toponymy of a regional microcommunity.

Keywords

regional toponymy; oikonymy; Volgograd region; nominator; semantic-motivational group; structural model

Acknowledgements

The publication was prepared based on the results of a study within the framework of a grant from the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Region, project No. 25-28-20081 *The image of a person in the mirror of regional toponymy (based on the names of settlements in the Volgograd region)*, <https://rscf.ru/en/project/25-28-20081/>

For citation

Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2026). *Homo Spectans* in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region). *Voprosy onomastiki*, 23(1), 167–185. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.007

Received on 29 May 2025

Accepted on 30 September 2025

Введение

Данная статья представляет собой часть исследования, посвященного воплощению образа человека в названиях населенных пунктов на территории, которую занимает современная Волгоградская область.

На первом этапе мы обратились к образу человека-деятеля (*Homo agens*), отраженному в ойконимии Волгоградской области [Крюкова, Супрун 2022]. При этом мы исходили из общефилософского понимания данного феномена, согласно которому деятельность *Homo agens* представляется как структура, основные элементы которой — субъект (отдельный человек или определенная социальная группа) с его мотивами, ценностями, навыками и объект как часть объективной реальности, на которую направлена деятельность субъекта [Мизес 2000; Климович, Стефанович 2022]. В результате были выделены две группы наименований, дающих представление о человеке-деятеле на рассматриваемой территории: 1) персонологические, изображающие человека как субъекта определенного вида деятельности, аксиологически значимой для конкретного региона (описывают человека с точки зрения его профессии / рода деятельности, отношения к воинской службе, религии, социального статуса);

2) функционально-атрибутивные, которые дают утилитарную характеристику объекту — конкретному населенному пункту — с точки зрения деятельности человека (свидетельствуют о приспособленности топообъекта к жизнедеятельности человека — земледельца, скотовода, рыболова и т. п.).

Образу человека-деятеля, отраженному в ойконимии, может быть противопоставлен образ человека-созерцателя (*Homo spectans* или *Homo contemplativus*). В данном случае мы ориентировались на понимание феномена «созерцание» в философии и психологии. Размышления о сути этого понятия и его особенностях представлены в философских трудах Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, П. А. Флоренского и мн. др. [см.: Кессиди 1983; Шаповалова 2011; Бычков 2007; Марцинковская 2011]. Обобщая опыт прошлых лет, известный французский философ А. Конт-Спонвиль определяет созерцание как «внимательный и бескорыстный взгляд. Метафорически созерцание означает способность сознания познавать, не стремясь к обладанию, использованию или вынесению суждения о познаваемом. Созерцание есть вершина духовной жизни, чистая радость познания» [Конт-Спонвиль 2012: 559].

Большое внимание феномену созерцания уделяют психологи. Крупнейший отечественный ученый С. Л. Рубинштейн отмечает, что «величие человека, его активность проявляются не только в деятельности, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись к Вселенной, к миру, к бытию» [Рубинштейн 1997: 73]. По данным Г. В. Акопова [2021], созерцание чаще всего ассоциируется с визуальным сознанием. Проведенное автором анкетирование, направленное на выявление созерцательной активности, показало, что респонденты в большинстве своем определяют созерцание как «смирение»; «наслаждение», «умиротворение», «единение с миром, с окружающим пространством», «открытость миру» и т. д. А среди условий, стимулирующих процесс визуального созерцания, участники опроса примерно равным образом отметили «вид с высоты горной вершины», «морскую даль», «плывущие в небе облака», «даль горизонта», «течение реки» [Там же]. Таким образом, внимание современного человека-созерцателя направлено преимущественно на природные объекты, что, думается, было характерно и в прошлом для жителя сельской местности, пребывающего в постоянном контакте с окружающей природой.

Можно утверждать, что образ человека созерцающего универсален, он представлен во все времена, ярко проявляется в языке. В русском языке используется церковнославянизм *созерцать*, относящийся, как и большинство заимствований из церковнославянского языка, к высокому стилю речи (помета «книжное»), со следующим определением в современных словарях:

‘рассматривать, пассивно наблюдать’ [ТСРЯ: 914; БТС: 1230]. Авторы [БАС 26: 606–607] дают две дефиниции этого глагола (без стилистических помет): 1) ‘рассматривать, наблюдать’; 2) ‘мысленно представлять; проникать умом, мыслью во что-л.’ В. И. Даль так определил семантику русского глагола *созерцать*: ‘внимательно или продолжительно рассматривать, наблюдать, смотреть со смыслом, вникая, углубляясь в предмет, изучая его, любуясь им’ [Даль 4: 261]. Следовательно, хотя этимологически глагол связан с физиологическим процессом («из *со-зерцать*, родств. *зеркало*» [ТСРЯ: 914]), в его семантике воспроизведены и ментальные переживания. Таким образом, при всем многообразии трактовок созерцания, можно выделить три компонента значения слова, которые, как будет показано далее, нашли отражение в региональной ойконимии: 1) «физиологический процесс» (смотреть); 2) «ментальное восприятие» (размышлять); 3) «позитивная эмоциональная оценка объекта созерцания».

Анализ топонимического материала с позиций человека-созерцателя согласуется с активно развивающимся антропоцентрическим направлением в отечественной топонимике. Программой в этом отношении является работа Е. Л. Березович, в которой детально разработана методика извлечения этнокультурной информации из топонимических данных (в том числе модели «ближний — дальний», «правый — левый», «верхний — нижний» и др.). На основе полученной информации реконструируется система народных представлений о пространстве, окружающем человека: его протяженности, степени обжитости, точках и зонах, связанных с действиями человека [Березович 2009]. Таким образом, автор осуществляет раскодировку информации, заложенной в топониме в момент его возникновения. Подобный подход встречаем в трудах Л. М. Дмитриевой [2002], Т. В. Федотовой [2012], Е. Ф. Ковлакас [2009], С. А. Попова, Т. Ф. Пуховой и Е. А. Грибоедовой [2018], И. И. Муллонен [2008] и мн. др. Все перечисленные работы, выполненные на широком топонимическом материале, включающем микротопонимию, отражают особенности восприятия окружающего пространства человеком-номинатором в конкретном регионе: Русский Север, Карелия, Архангельская, Вологодская, Воронежская, Костромская области, Сибирь, Алтай и Урал. Топонимия юга России с этих позиций практически не изучалась. Между тем ойконимия юга России — региона, к которому относится Волгоградская область, — представляет интерес для исследования подобного рода по нескольким причинам.

Во-первых, в географических названиях отражена история заселения Волгоградской области, которая в далеком прошлом представляла собой перекресток цивилизаций, место кочевков ираноязычных савроматов, сарматов, скифов и пр. Затем это была территория Хазарского каганата и Золотой Орды.

Древняя история региона отражена прежде всего в гидронимии, от названий рек образованы и многие местные ойконимы. С XVI–XVII вв. начинается освоение Нижнего Поволжья и Среднего Дона русскими людьми, в 1589 г. строится город-крепость Царицын, на Дону появляются поселения казаков. Возникновение большей части рассмотренных далее ойконимов относится к этому периоду. Позже было несколько этапов переселенческого движения русских, украинских, мордовских и татарских крестьян из разных губерний Российской империи, что тоже оставило свой след в местной ойконимии.

Во-вторых, в региональной топонимии отражены особенности географического положения Волгоградской области, климатические и природные условия, разнообразие ландшафта. Волга разделяет территорию области на возвышенную правобережную часть, разделенную оврагами и балками, и низменную левобережную часть. Между руслом Волги и ее левым рукавом, р. Ахтуба, находится Волго-Ахтубинская пойма с многочисленными протоками, ериками, старицами. Большая часть области расположена в степной зоне, северная часть — в зоне лесостепи, юго-восточная часть — в зоне полупустынь. Нередки засухи, суховеи и пыльные бури.

Материалом нашего исследования стали официальные названия населенных пунктов Волгоградской области (в том числе исчезнувших поселений), зафиксированные в действующем в настоящее время «Реестре административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области» [РВО]. В нем 1 494 ойконима. Из них путем направленного поиска были отобраны ойконимы, в которых отражен образ человека-созерцателя, — всего 530 единиц, что составляет 35,5 % всех названий. С учетом доказанной в современной психологии связи созерцания с визуальным сознанием и направленностью созерцания прежде всего на природные объекты [Рубинштейн 2003; Акопов 2021] мы отбирали ойконимы, в которых отмечена связь с водными объектами, особенностями рельефа, почвы, растительного и животного мира или дана характеристика самого населенного пункта с точки зрения его внешних, визуально наблюдаемых признаков. При сборе информации о происхождении названий использовалась справочная литература [НПВО; САТДВО; ИАТДВО; ПВО], литература по краеведению [Самойлов, Супрун 1991] и материалы анкетирования местных жителей.

Данный материал в настоящее время обработан и подготовлен для публикации в виде словаря «Города и селения Волгоградской области: ойконимический словарь». Лексикографический метод анализа и обработки топонимического материала в сочетании с этимологическим анализом, применяемый при подготовке данного словаря, не только дает возможность систематизировать региональные ойконимы по нескольким основаниям, но и предоставляет

научно-обоснованные данные для новых теоретических обобщений и, возможно, новых словарей. По точному наблюдению О. И. Блиновой, таким образом работает модель перехода «теория — словарь — теория — словарь» [Блинова 2012: 22].

Результаты исследования

Исходя из понятия «объект созерцания», условно можно выделить три семантико-мотивировочные группы ойконимов, каждая из которых подразделяется на несколько подгрупп. Рассмотрим их в порядке частотной представленности в нашем материале.

1. Объект созерцания — гидрообъект

Наименования рек, озер, морей представляют собой наиболее устойчивые единицы, они редко подвергаются переименованиям, крупные реки сохраняют свои названия в течение веков и тысячелетий. При этом во все времена «река является не столько центром освоения пространства, сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной ориентированностью самого объекта» [Березович 1999: 23]. Иначе говоря, гидрообъект — это первое, на что направлен взгляд человека-созерцателя, который находится на еще не освоенном пространстве, река помогает ему сориентироваться в этом пространстве. По нашим данным, в ойконимии рассматриваемого региона представлены названия практически всех объектов водной системы Волгоградской области. Выделяются подгруппа отгидронимных названий и подгруппа номинаций от апеллятивов.

Ойконимы **первой подгруппы** созданы по нескольким структурным моделям.

1. Прямой перенос гидронима — названия реки (по основному руслу) или ее притока: *Акса́й, Анти́повка, Безымя́нка, Бе́рдия, Бу́рлук, Грязну́ха, Ела́нь, Ельша́нка, Ерзо́вка, Зензева́тка, Илова́тка, Йо́вля, Котлуба́нь, Липовка, Лыча́к, Медве́дица, Ольхо́вка, Пичу́га, Терса́, Торгу́н* и др. Гидронимы адъективного характера могут в ойкониме получать окончание, согласованное с типом населенного пункта: р. *Оле́нья* — с. *Оле́нье*.

Не останавливаясь на этимологии гидронимов, рассмотренных нами ранее в словаре «Реки и водоемы Волгоградской области» [Крюкова, Супрун 2009], отметим, что для человека, номинирующего свое поселение, значим сам факт его расположения у реки, название которой ему уже известно. По результатам проведенного анкетирования ойконимы отфитонимного происхождения

в сознании местных жителей связываются с названиями растений, а не с одноименной рекой, что становится причиной возникновения топонимических легенд. Даже в известном словаре А. Н. Минха утверждается: «Название свое Дубовка получила от дубового леса, росшего на месте ее нынешнего расположения» [ИГС: 247]. Эта этимология подхвачена краеведами, которые приводят ее без ссылок на первоисточник. Однако отфитонимное название р. *Дубóвка* упоминается в источниках конца XVII в. [Крюкова, Супрун 2009: 125], а первое поселение с этим ойконимом появляется только в 1721 г. [Самойлов, Супрун 1991].

Сложнее установить преимущество между ойконимами и микрогидронимами — названиями ручьев, балок, буераков и т. п.; последние могут получить наименование по расположенному на их берегах поселению. Обычно микрогидронимы в письменных источниках встречаются редко, поэтому не всегда легко понять, какое название было первичным. Так, исчезнувшие хутора *Дóлгий Буера́к* и *Дóлгинский* были названы по микрогидронимам [ИГС: 160]. Такое же происхождение у многих ойконимов со словом *ба́лка*: *Весёлая Ба́лка*, *Вишнёвая Ба́лка*, *Пого́жья Ба́лка*, *Пряма́я Ба́лка*, *Ста́рая Ба́лка*. В случае отсутствия письменного подтверждения следует опираться на семантику исходного этимона, которую зачастую подтверждают результаты опроса местных жителей. Например, хут. *Вертя́чий* получил название по оврагу, в котором, по словам местных жителей, во время весеннего половодья «вода *вёртится*», т. е. образует водовороты.

2. Образование ойконима от гидронима с помощью суффикса -ц и и. Значительную часть Волгоградской области составляют земли бывшей Области Войска Донского. У казаков деривационная модель топонимов содержит адъективный суффикс *ск-* и по роду соотносится с типом поселения: мужской род — *хутор*, женский род — *станция*: *А́кчерненский*, *Арче́дýнский*, *Бузулу́жский*, *Кирхи́нский*, *Криу́шинский*, *Кумь́лженская*, *Хопёрский* и др. Более сложные деривационные модели представлены в ойконимах *Заво́лжский*, *Черномóровский*. Менее частотна модель с суффиксом *-к(а)* и интерфиксами: *Волжа́нка*, *Дони́ца*, *Терси́нка*.

3. Отдельно выделим образование парных ойконимов отгидронимного происхождения в оппозиции «верхний — нижний», в которых отражено не столько расположение населенного пункта в верховьях или низовьях реки, сколько его положение относительно соседнего населенного пункта по течению реки с позиции именуемого субъекта. Здесь встречаем парные названия, однородные по словообразовательным моделям (двухосновные или двухсловные): *Верхнекарда́йльский* — *Нижнекарда́йльский*, *Верхнебезымя́новский* — *Нижнебезымя́новский*,

Верхнеоси́новский — Нижнеоси́новский, Верхнесоло́новский — Нижнесоло́новский, Вёрхняя Грязну́ха — Ни́жняя Грязну́ха и т. п. В разное время названия поселений преобразовывались, поэтому парность ойконимов становилась разномодельной: *Верхнечи́рский — Ни́жний Чир*. В результате переименований и исчезновения поселений сохранились беспарные ойконимы, указывающие на расположение поселения в верховьях гидрообъекта: *Верхнепогро́мное, Верхнецимля́нский, Вёрхняя Кула́линка, Вёрхний Ерусла́н*.

В такие соотносительные ряды, часто с немаркированным первым членом, могут включаться ойконимы с начальным компонентом *усть-*, который наиболее точно передает положение населенного пункта — в устье реки: *Вёрхняя Грязну́ха — Усть-Грязну́ха, Бузулу́кский — Усть-Бузулу́кская, Погóжься Ба́лка — Усть-Погóжье*. При этом среднее течение реки оказывается менее значимым. Сейчас отмечено только три одиночных названия с компонентом *средний*: *Сре́дняя Ахту́ба, Сре́дняя Камы́шинка, Среднеца́рицынский*. Ранее они входили в более сложные троичные структуры: *Верхнепогро́мное — Среднепогро́мное — Нижнепогро́мное* (ныне *Краснооктя́брьский*), *Нижнеахту́бинское* (ныне *Запла́вное*) — *Среднеахту́бинское — Верхнеахту́бинское* (ныне *Во́лжский*).

Вторую подгруппу составляют ойконимы, образованные от гидрографических терминов тематической группы «Река, вода». Следует учесть, что для сельского жителя река, озеро, пруд, возле которых он живет, — всегда единичный объект, поэтому в речи местных жителей часто присутствует не его собственное название, а слова *река, речка, пруд, ёрик* (в литературном языке имеет значение ‘небольшой проток, соединяющий два водоема’ [БТС: 296]; на Волге и Нижнем Дону используется для обозначения небольших речек [Крюкова, Супрун 2009: 5]) и т. п., которые заменяют гидроним, приобретая онимические функции. От гидрографических терминов литературного языка *река, родник, ключ, пруд, озеро, овраг, лог, перекат, затон, плёс, канал* и пр. путем онимизации и последующих суффиксации, префиксации, конфиксации, осново- и словосложения образованы ойконимы *Рёченский, Верхнерёченский, Нижнерёченский, Зарёчный, Родники́, Роднички́ (2)¹, Родникóвский (2), Ключи́, Ключа́нский, Пруды́, Прудки́, Прудóвый, Запру́дный, Озерки́, Приозёрный, Овра́жный, Приовра́жный, Лог, Ло́говский (2), Трёхло́жинский, Ложки́, Бекётовский Перека́т, Зато́нский, Плёс, Плеси́стовский* и др.

Лексема *буерак* ‘небольшой овраг, размытая ложбина’ [ТСУ 1: 199] включена в словари литературного языка без помет, она фиксируется со второй половины XVI в. Словари отмечают, что слово было заимствовано из тюркских языков, следовательно, получило распространение прежде всего на юге

¹Здесь и далее число в скобках обозначает количество одноименных населенных пунктов.

страны, где происходили контакты русских с представителями тюркских народов. Оно входит в состав ойконимов *Ка́менный Буера́к, Буера́к-Попо́вский, Буера́к-Сеню́ткин, Воднобуера́чное*.

Лексема *морцо́* в русском языке определяется как ‘озеро, образуемое расширением рукавов в устье реки’ [ТСУ 2: 263; БАС 10: 421]. Хотя у этого слова нет помет в словарях, к общеизвестным его вряд ли можно отнести. Родственным ему является записанный в Саратовской губернии диалектизм *морэц* ‘рукав Волги, оба конца которого занесены песком’ [СРНГ 18: 262]. Однако названия хут. *Морэц* и *Большой Морэц*, расположенных в 130 км от Волги, показывают, что семантика слова не ограничена территорией этой реки, а имеет более широкое значение. Село *Большой Морэц* было основано на берегу оз. *Морэц*. Следовательно, слова *морцо́* и *морэц* являются изначально синонимичными.

В эту же подгруппу мы включаем ойконимы, образованные от местных диалектных слов, в том числе имеющих особое семантическое развитие в регионе: *Я́минский* (2), *Я́мы, Переко́п, Переко́пская, Заливнóй, Зали́вский, Обли́вский, Отро́г, Отро́жки, Ржа́вский, Забуру́нный* (2), *Запру́дный, Чигана́ки, Чиче́ровский, Раздо́ры, Кала́ч, Калачёвский, Лучно́вский, Лу́ковская, Запла́вка, Запла́вное*. В основе названий — диалектные слова *яма* ‘вырытое в земле углубление для дубления кожи’, *зали́в* ‘низкое, заполненное водой место в лугах или на пашне’, *обли́в* ‘берег у поворота реки’, *ржавь* ‘неплодородная глинистая почва бурого цвета’, *буру́н* ‘волнообразный песчаный занос’, *чигана́ки* ‘низкое место, весной заливаемое водой’, *чичер* ‘холодная погода с пронизывающим ветром, дождем, мокрым снегом’, *раздо́р* ‘разделение реки на несколько рукавов, протоков’ [СДГВО: 689, 189, 366, 516, 59, 655, 659, 502], *запру́да* ‘плотина, гребля, гать, пересыпь для удержания воды’, *переко́п* ‘канавы или канава со рвом поперек чего для непропуска, защиты, связи вод’, *кала́ч* ‘крутой огиб реки вокруг острова или полуострова’, *лука́* ‘поемный луг, огибаемый рекою’ [Даль 1: 623; 2: 70, 272; 3: 55], *запла́ва* ‘прибываемые к берегам во время весеннего разлива мусор, хворост, обломки деревьев и т. п.’, *отро́г* ‘ответвление оврага’ [СРНГ 10: 323; 24: 296].

Наконец, примыкают к этой подгруппе ойконимы, в названии которых отражен сам факт близости поселения к водному объекту, наличие воды в его окрестностях: *Во́дино, Во́динский, Во́дный, Во́дянский, Во́дяновский* (2).

II. Объект созерцания — рельеф, почва, растительность, животный мир

Для человека, осваивающего ту или иную территорию, важными являются качественные характеристики места. В отличие от рассмотренной нами ранее группы ойконимов, которые определяют человека-номинатора с точки

зрения разнообразных сторон его деятельности на той или иной территории (*Выпасной, Отгонный, Стойловский, Конный, Караульный Буерак* и под.) [см.: Крюкова, Супрун 2022]), ойконимы данной группы выделяют визуально наблюдаемые особенности территории вокруг населенного пункта.

В первую подгруппу входят ойконимы, обозначающие возвышенные и низменные места. Волгоградская область находится в равнинной зоне, как следствие, любая возвышенность привлекает внимание человека, что отразилось в областной ойконимии. Слово *горá* в местных говорах — это любое высокое место: ‘холм, возвышенность’ [СДГВО: 115], поэтому большинство образованных от него названий обозначают, что поселение расположено на возвышенном месте, выше, чем соседние: *Горный, Горский, Горско-Поповский, Нагорный* (2), *Горная Поляна* (2), *Подгоринский, Подгорный, Белогорский* (2), *Белогорки, Красногорский, Курганный* и др. В регионе имеется много крутых спусков к рекам, крутых берегов, называемых на юге словом *яр*, о данных особенностях ландшафта свидетельствуют ойконимы: *Крутинский, Крутовский, Круто́е, Круто́й, Подкручинский, Ярской, Светлый Яр* (2), *Красноярский* и др. На берегах Волги и в некоторых других местах России высокий холм называют *венец* [Афанасьев 1954: 8], вероятно, по этому признаку получили название хутора *Венцы* и *Венчаловский*.

Оппозиция «верхний — нижний» у ойконимов данной группы получает иное истолкование, чем у отгидронимных названий. Как пишут многие исследователи региональной топонимии, «верх — низ» — самый частотный соотносительный ряд ойконимической деривации [Березович 2009; Федотова 2012 и др.]. Е. Л. Березович выделяет высотные топонимы, обозначающие «пространственную вертикаль расположения тела человека», отмечая при этом, что высотная ориентировка менее частотна [Березович 2009: 106]. Однако в нашем материале эти единицы совсем немного уступают гидрографическим названиям той же модели. Зачастую вторая часть топонима образована от антропонима — фамилии, имени или прозвища первопоселенца, основателя населенного пункта: *Верхнегнатов — Нижнегнатов, Верхнезубриловский — Нижнезубриловский, Верхнесоинский — Нижнесоинский, Верхнецепляевский — Нижнецепляевский*. Есть также пары с немаркированным ныне первым или вторым членом: *Нижнедолговский, Нижнегерасимовский* (ранее существовали хут. *Верхнегерасимовский, Верхнедолговский* [АСНМ: 375, 85, 87]) и др.

В некоторых случаях образуются ряды из названий населенных пунктов, расположенных поблизости на оси «верх — низ», с учетом как рельефа, так и течения реки: *Горный Балыклэй* (расположен на правом, высоком берегу Волги) — *Верхний Балыклэй* — *Нижний Балыклэй* (расположены на левом, низменном берегу выше и ниже по течению относительно друг друга).

Обозначения расположения поселения в низком месте, в низменности встречаются реже, и они тоже косвенно указывают, что существуют возвышенные места вокруг населенного пункта: *Низя́нка, Нижня́нка, Подни́жний, Западнóвка* (ср. *западíна* ‘котловина или отлогая яма; низменность’ [СРНГ 10: 297]).

Ко второй подгруппе относятся ойконимы, отсылающие к особенностям почвы и некоторым характеристикам рельефа. Волгоградская область расположена в степной и полупустынной зонах, поэтому здесь многие поселения соседствуют с песками, с глинистой и каменистой почвой, высокие берега Дона и притоков содержат меловые отложения, встречаются солончаки, почвы и возвышенности, лишенные растительности, голые. Все эти черты окружающего ландшафта нашли свое отражение в ойконимах: *Пески́, Песковáтка* (2), *Песковáтский, Пескóвка, Песча́нка* (4), *Песча́новка, Песча́ный* (2), *Песча́ный Пёрвый, Песча́ный Второ́й, Песча́ный Трётий, Подпесóчный; Гли́нице, Гли́нковский, Белогли́нский; Ка́менка* (3), *Ка́менный, Ка́менский, Ка́менный Брод, Белока́менка, Каравáинка* (ср.: *каравáи* ‘округлые камни, валуны, похожие на круглый ржаной хлеб’ [ИГС: 465]); *Меловáтка, Мелово́й, Меловский; Соляно́й, Солонка́, Солонцо́вский; Го́ловский, Наго́льный, Лысого́рский* и др. Общая характеристика местности заключена в названиях *Степно́й, Полево́й, Равни́нный, Лугово́й, Лесно́й, Дубро́вский*. От диалектного слова *крепь* ‘целина’ [СДГВО: 271] образованы топонимы *Кре́пинский, Кре́повский*.

Третья подгруппа ойконимов связана с флорой и фауной региона. В названиях отмечены широко распространенные на всей территории проживания славян *ольха, береза, дуб*. Ойконимы образуются от фитонимов по разным словообразовательным моделям. При этом некоторые из них были даны по рекам (*Берёзовка, Ольхо́вка, Дубо́вка*), однако в народном сознании они совпадают с названиями поселений отфитонимного происхождения: *Ольхо́вка, Ольхо́вский* (6); *Берёзовка* (3), *Берёзки, Берёзовый* (3), *Берёзовская, Березняго́вский; Дубо́вка, Дубово́е* (2), *Дубо́вский* (2), *Дубово́й*. На территории региона встречаются заросли терна, поэтому достаточно частотны ойконимы типа *Терно́вка* (2), *Терново́е, Терново́й* (2), *Малотерново́й*. Остальные названия, данные по деревьям, травам и садово-огородным растениям, единичны или встречаются дважды: *Сосно́вка* (2), *Клено́вка, Ту́тов, Ябло́невый, Ягодное* (2), *Земляни́чный, Гречи́хино, Цвето́чное, Солодо́вка, Ковы́льный, Мо́ховский*.

Можно выделить в этой подгруппе названия по растительности у водоемов, что говорит об особой значимости для человека прибрежного пространства. От названий различных прибрежных растений, не связанных с названием реки, образованы ойконимы *Вёрбочный, Вёрбовский, Та́ловка* (3), *Та́ловский, Та́ловый, Краснота́ловский* (ср.: дон. *тал* ‘кустарниковая ива’ [СДГВО: 583]),

Камышій, Камышинский, Камышовка, Тростянка, Тростянский, Лозное, Лозной, Большая Таволжанка, Таволжанский и др. Иногда они образуют ряды с дополнительной характеристикой низменных и возвышенных мест: *Пимено-Черни — Верхнечеренский — Нижние Черни* (ср. диал. *черни* ‘береговые плавни, камыши’ [Даль 4: 595]).

Среди волгоградских ойконимов встречаются единицы, в основе которых лежит зооним, однако в ряде случаев сложно сказать, к апеллятивному зоониму или к имени первопоселенца восходит то или иное название. Изучение истории возникновения поселений, а также рассказы местных жителей позволяют определить отзоонимное происхождение некоторых ойконимов: *Рыбный* (2), *Рыбинка, Щучий, Дудаченский, Бобры, Лебяжий, Лебяжье, Лебяжья Поляна, Орлы, Орлиное, Орлиновский, Орловский* (2), *Ястребовский, Коршунówka, Конный, Козиновский, Козлиновский, Козловка, Кочетково, Муравли* и др.

III. Объект созерцания — сам населенный пункт

Для жителей поселений важна оценка своего населенного пункта, какая-либо визуально наблюдаемая его особенность, выделяющая данный населенный пункт среди окружающих сел, станиц, хуторов.

Первая подгруппа ойконимов указывает на расположение населенного пункта относительно других поселений. Часть названий этой подгруппы пересекаются с ойконимами, которые содержат компоненты «верхний — нижний», отражающие расположение по течению реки или особенности рельефа, о чем было сказано выше. Названия поселений могут также противопоставляться по расстоянию относительно более крупного поселения или какого-то географического объекта (река, гора и пр.) на оси «д а л ь н и й — б л и ж н и й»: *Ближнемельничный — Дальнемельничный, Ближнеподгорский — Дальнеподгорский* (ныне исчез), *Ближневенцовский — Дальневенцовский* (ныне *Венцы*), *Ближнечиганецкий — Дальнечиганецкий* (ныне *Чиганьки*), *Ближнепереконский — Дальнепереконский* (ныне *Переконка*). Указание на близость или удаленность поселения может использоваться и без противопоставления: *Дальнестепной, Дальний, Ближний* (ныне исчез), *Ближнеосиновский*.

Когда два и более поселений имеют одинаковые названия, важным становится время основания, для различения используется противопоставление «н о в ы й — с т а р ы й» (*Новая Иванцówka — Старая Иванцówka, Новая Полтавка — Старая Полтавка, Новогригорьевская — Старогригорьевская, Новый Кондаль — Старый Кондаль, Новый Рогачик — Старый Рогачик* (ныне исчез) и др.) или только «новый», с нулевым компонентом у возникшего ранее населенного пункта: *Новониколаевский — Николаевск, Новокиевка — Киевка, Новоольховка — Ольховка, Новый Тихонов — Тихонов*,

Новокрасино — *Красинский*, *Новоаксайский* — *Аксай* и др. Определения могут не входить в противопоставления, а лишь свидетельствовать о времени возникновения поселения или окрестного объекта: *Староселье*, *Старореченский* и др.

Сходную семантику отражают противопоставленные ойконимы с порядковыми числительными «п е р в ы й — в т о р о й» (с числительным *первый* в постпозиции): *Берёзовка Первая* — *Берёзовка Вторая*, *Жутово Первое* — *Жутово Второе*, *Ильменский Первый* — *Ильменский Второй*, *Княженский Первый* — *Княженский Второй* и т. п. В ойконимии области имеются троичные системы, в которых топоним с нулевым индексом противопоставляется двум следующим (*Дьяконовский* — *Дьяконовский Первый* — *Дьяконовский Второй*, *Бобрый* — *Бобрровский Первый* — *Бобрровский Второй*, *Суховский* — *Суховский Первый* — *Суховский Второй*), и даже четверичная система (*Чиганьки* — *Чиганьки Первые* — *Чиганьки Вторые* — *Чиганьки Третьи*). Среди казачьих поселений разделение на *первые* и *вторые* было частотным, оно отражало не только время возникновения поселения, но и его административное разделение.

Закономерно противопоставление поселений по размеру в парах ойконимов на оси «б о л ь ш о й — м а л ы й»: *Большая Осинька* — *Малая Осинька*, *Большой Дубовский* — *Малый Дубовский*, *Большой Орешкин* — *Малый Орешкин*, *Большенабатовский* — *Малонабатовский*, *Большештерновой* — *Малотерновой*. Встречаются троичные системы: *Ивановка (3)* — *Малая Ивановка* — *Большая Ивановка*, *Лычак* — *Большой Лычак* — *Малый Лычак*. Исчезновение некоторых поселений ликвидировало парность: *Симкин* (ныне исчез) — *Большой Симкин*, *Большая Таволжанка* — *Малая Таволжанка* (ныне исчезла). Имеются беспарные наименования разного происхождения: *Большая Князевка*, *Большой Бабинский*, *Большой Головский* и др. Константацию размера поселения вне сопоставления отражают ойконимы *Большинский*, *Большой (2)*. В целом в регионе модель с определителем «большой» более частотна.

К этой же подгруппе можно отнести непротивопоставленные ойконимы, указывающие на: 1) расположение относительно других населенных пунктов по сторонам света: *Северный (2)*, *Южный*, *Восточный*; 2) расположение за каким-либо значимым объектом: *Закутский*, *Заполосный*, *Заполянский*; 3) нахождение в отдалении от других населенных пунктов: *Дальний*, *Глухой*; 4) обозначение границ между поселениями, отделение «своих» от «чужих» (у казаков *рубёж* — граница юрта): *Пограничное*, *Рубежный*, *Верхнерубежный*, *Ярки-Рубежный*.

Вторая подгруппа включает ойконимы, характеризующие сам населенный пункт безотносительно других поселений. Здесь выделяются следующие основания номинации.

1. Выделение из общего пространства, о б о с о б л е н н о с т ь поселения: *Сапожók* (ср. диал. *сапожók* ‘пашенная земля среди леса’ [СРНГ 36: 128]); *Ластушинский* (ср. *ластыиш* ‘небольшой участок, полоса поля, луг’ [СРНГ 16: 284]); *Островók*, *Островская*, *Трёхостровская* (ср. *óстров* ‘участок суши, окруженный водой; об участке, выделяющемся чем-л. среди остальной местности’ [БАС 14: 274]); *Отрубá* (ср. *óтруб* ‘участок общинной земли, выделявшийся крестьянам в единоличную собственность в 1906–1917 гг. в соответствии со столыпинской аграрной реформой’ [Там же: 645]).

2. Р а с п о л о ж е н и е поселения и количество домов в нем: *Дóлгий*, *Дóлговский* (3), *Нижнедóлговский* (длина поселения), *Двойнóвский* (по типу расположения домов), *Клинóвка* (по словам местных жителей, «селились клином»), *Пирамидáльный* (имеет конусообразную форму), *Поперéчный*, *Угóльский* (ср. дон. *угóльчатый* ‘имеющий прямые углы, прямоугольный’ [СДГВО: 607]), *Кривóвский*, *Крívский*, *Кривуша*; *Пятиизбáнский*, *Сóрок Дóмиков*. В. А. Никонов отмечал, что «топоним запечатлевает скорее нетипичные особенности объектов, чем широко распространенные» [Никонов 1965: 38–42].

3. Эмоциональная или эстетическая о ц е н к а населенного пункта как результат созерцания его обитателями: *Мírный* (3), *Благодáтный*, *Вдовóльный*, *Весёлый* (2), *Весёлая Бáлка*, *Погóжься Бáлка*, *Обíльный*, *Привóльный*, *Раздóльное*, *Раздóльный* (2), *Рáйгород*, *Тíхий*, *Свётлый*. Номинатор стремился дать позитивную оценку населенному пункту или отразить в ойкониме надежды на благополучную и спокойную жизнь в нем.

Особо нужно выделить ойконимическую деривационную модель с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк*, с помощью которого передается отношение жителей к своему поселению: *Бéленький*, *Нóвенький*, *Стáренький*.

К оценочным следует отнести и названия, содержащие прилагательное *красный* в народно-поэтическом значении ‘красивый, прекрасный’ [БАС 8: 592]. Для разграничения с аналогичными названиями идеологического происхождения необходимо обращать внимание на время возникновения ойконима: до революции были даны названия поселением *Красногóрский*, *Краснокороткóвский*, *Краснопóлье*, *Краснояровский*, *Красноярский* (4), *Красный* (5), *Красный Яр* (2), *Краснянский* и др.

Заключение

Анализ номинативной деятельности человека созерцающего вписывается в активно развивающееся антропоцентрическое направление отечественной топонимики (Е. Л. Березович, Л. М. Дмитриева, Т. В. Федотова,

И. И. Муллонен и др.), которое может быть дополнено изучением ойконимии Волгоградской области, одного из регионов юга России, ранее не исследованного с данных позиций.

Исходя из понятия «объект созерцания», мы выделяем три семантикомотивировочные группы ойконимов. Наиболее репрезентативна первая группа, к которой относятся названия, определяющие гидрообъект как важную доминанту жизни. Это, во-первых, ойконимы, образованные практически от всех гидронимов Волгоградской области, они отражают расположение поселения на берегу; во-вторых, ойконимы, образованные от гидрографических терминов и нарицательных слов тематической группы «Река, вода», в том числе диалектизмов.

Вторую группу составляют ойконимы, характеризующие расположение поселения в конкретных природных условиях, определяющих качество жизни. В них нашли отражение особенности рельефа, качество почвы, растительный и животный мир. Следует отметить особое внимание номинатора к возвышенным местам, что связано со значимостью для человека, находящегося в степной зоне, любой возвышенности; а также наличие группы названий, указывающих на местные особенности почвы (образованы от слов *песок*, *камень*, *глина*, *мел* и под.) и прибрежную растительность (от слов *верба*, *камыш*, *тростник* и их диалектных аналогов).

К третьей группе отнесены ойконимы, характеризующие сам населенный пункт: во-первых, относительно других населенных пунктов (оппозиции «ближний — дальний», «новый — старый», «большой — малый»); во-вторых, безотносительно других населенных пунктов (выделение из общего пространства, обособленность, расположение и количество домов); в-третьих, с точки зрения эмоциональной или эстетической оценки населенного пункта.

Дальнейшее исследование в этом направлении волгоградских ойконимов может внести вклад в разработку глобальной общенаучной проблемы отражения особенностей мировосприятия и самоидентификации человека в микросоциуме, решение которой невозможно без региональных топонимических исследований.

Сокращения

дон. донские говоры русского языка

Источники

- АСНМ — Алфавитный список населенных мест Области войска Донского. Новочеркасск : Обл. Войска Дон. тип., 1915.
- БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2004—. Т. 1—.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ГИИНС, 1955.
- ИАТДВО — История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области: 1936–2007 гг. : справочник : в 3 т. / сост.: Д. В. Буянов, Т. И. Жданкина, В. М. Кадашова, С. А. Норицына ; рук. проекта Н. К. Максюты. Волгоград : Перемена, 2009.
- ИГС — Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 2 : Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов : Тип. губ. земства, 1898 ; Т. 1, вып. 2 : Продолжение. Саратов : Тип. губ. земства, 1900.
- НПВО — Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Населенные пункты Волгоградской области : словарь-справочник регионального топонимикона. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019.
- ПВО — Воробьев А. В. От Эльтона до Урюпинска (поселения Волгоградской области). Волгоград : Станица-2, 2004.
- РВО — Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области. URL: <https://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/administrativno-territorialnoe-delenie.php> (дата обращения: 25.05.2025).
- САТДВО — Справочник административно-территориального деления Волгоградской области / сост. А. И. Кузнецов. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.
- ТСУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия, 1935–1938.

Исследования

- Акопов Г. В. Созерцание как универсальный культурный феномен спонтанной самотерапии // Педагогика и психология в медицине: проблемы, инновации, достижения : сб. тр. I Междунар. науч. конгресса (Санкт-Петербург, 3–4 июня 2021 г.) / под ред. Н. П. Ванчаковой. М. : Перо, 2021. С. 12–17.
- Афанасьев Б. Н. Исторические места Ульяновска : путеводитель. 2-е изд., перераб. Ульяновск : Ульяновская правда, 1954.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1999.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Блинова О. И. Теория → словарь → теория → словарь... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
- Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М. : Ладомир, 2007.
- Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002.

- Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 5–37.
- Климович А. В., Стефанович В. А. Философия : краткий курс лекций : учеб. пособие. М. : НИЦ ИНФА-М, 2022.
- Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2009.
- Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012.
- Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоемы Волгоградской области : гидронимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Изд-во ВГАПК РО, 2009.
- Крюкова И. В., Супрун В. И. *Homo agens* в зеркале региональной топонимии (по материалам словаря ойконимов Волгоградской области) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 427–436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436>
- Марцинковская Т. Д. Проблема красоты в трудах П. Флоренского — междисциплинарный и полипарадигмальный подход // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7, № 4. С. 77–83.
- Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / пер. с англ. А. В. Куряева. М. : Экономика, 2000.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.
- Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского края. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003.
- Самойлов Г. П., Супрун В. И. Рождение Дубовки // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Вып. 1 / отв. ред. В. С. Абаляхин. Волгоград : Волгогр. ЦНТИ, 1991. С. 46–51.
- Федотова Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012.
- Шапалова Т. А. Мистерия взгляда: проблема созерцания в философии М. Хайдеггера // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 6 : Экономика. Философия, социология и культурология. С. 93–99.

References

- Akorov, G. V. (2021). Sozertsanie kak universal'nyi kul'turnyi fenomen spontannoi samoterapii [Contemplation as an Universal Cultural Phenomenon of Spontaneous Self-Therapy]. In N. P. Vanchakova (Ed.), *Pedagogika i psikhologiya v meditsine: problemy, innovatsii, dostizheniia* [Pedagogy and Psychology in Medicine: Issues, Innovations, Achievements] (pp. 12–17). Moscow: Pero.
- Afanasyev V. N. (1954). *Istoricheskie mesta Ul'yanovska : putevoditel'* [Historical Places of Ulyanovsk: A Guide] (2nd ed.). Ulyanovsk: Ulyanovskaya pravda.
- Berezovich, E. L. (1999). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect] (Habilitation dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte. Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and Human] (2nd ed.). Moscow: LIBROKOM.
- Blinova, O. I. (2012). Teoriia → slovar' → teoriia → slovar'... [Theory → Dictionary → Theory → Dictionary...]. *Voprosy leksikografii*, 1, 6–26.

- Bychkov, V. V. (2007). *Russkaia teurgicheskaia estetika* [Russian Theurgic Aesthetics]. Moscow: Ladomir.
- Comte-Sponville, A. (2012). *Filosofskii slovar'* [A Dictionary of Philosophy]. Moscow: Eterna.
- Dmitrieva, L. M. (2002). *Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoi sistemy (na materiale russkoi toponimii Altaia)* [The Ontological and Mental Being of a Toponymic System (Based on Russian Toponymy of Altai)]. Barnaul: Altai University Press.
- Fedotova, T. V. (2012). *Russkaia toponimicheskaja sistema Vostochnogo Zabaikal'ia* [Russian Toponymic System of the East Trans-Baikal Area] (Habilitation dissertation abstract). Moscow Pedagogical State University, Ulan-Ude.
- Kessidi, F. Kh. (1983). Eticheskie sochineniia Aristotelia [Aristotle's Works in Ethics]. In A. I. Dovatur (Ed.), Aristotle (Auth.), *Sochineniia* [Works] (Vol. 4, pp. 5–37). Moscow: Mysl'.
- Klimovich, A. V., & Stefanovich, V. A. (2022). *Filosofia: kratkii kurs leksii* [Philosophy: A Concise Course of Lectures]. Moscow: NIC INFA-M.
- Kovlakas, E. F. (2009). *Osobennosti formirovaniia toponimicheskoi kartiny mira: leksiko-pragmaticheskii i etnokul'turnyi aspekty* [The Formation of the Toponymic Worldview: Lexical, Pragmatic, and Ethnocultural Aspects] (Habilitation dissertation abstract). Kuban State University, Krasnodar.
- Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2009). *Reki i vodoemy Volgogradskoi oblasti: gidronimicheskii slovar'* [Rivers and Water Bodies of the Volgograd Region: A Dictionary of Hydronyms] (2nd ed.). Volgograd: Izd-vo VGAPK RO.
- Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2022). *Homo agens v zerkale regional'noi toponimii (po materialam slovaria oikonimov Volgogradskoi oblasti)* [*Homo Agens* in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region)]. *Neofilologiya*, 8(3), 427–436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436>
- Martsinkovskaya, T. D. (2011). Problema krasoty v trudakh P. Florenskogo — mezhdistsiplinarnyi i poliparadigmal'nyi podkhod [The Problem of Beauty in Pavel Florensky's Works: An Interdisciplinary and Polyparadigmatic Approach]. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologiya*, 7(4), 77–83.
- Mises L., von (2000). *Chelovecheskaia deiatel'nost': Traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human Activity: A Treatise in Economic Theory]. Moscow: Ekonomika.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Nikonov, V. A. (1965). *Vvedenie v toponimiku* [An Introduction to Toponomastics]. Moscow: Nauka.
- Popov, S. A., Pukhova, T. F., & Griboedova, E. A. (2018). *Toponimiia Voronezhskogo kraia* [The Toponymy of the Voronezh Region]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia.
- Rubinstein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Human and World]. St Petersburg: Piter.
- Samoylov, G. P., & Suprun, V. I. (1991). Rozhdenie Dubovki [The Origin of Dubovka]. In V. S. Abalikhin (Ed.), *Voprosy kraevedeniia: materialy kraevedcheskikh chtenii* [Problems of Regional Studies: Proceedings of the Conference] (Iss. 1, pp. 46–51). Volgograd: Volgogr. TsNTI.
- Shapovalova, T. A. (2011). Misteriia vzgliada: problema sozertsaniia v filosofii M. Khaideggera [The Mystery of Glimpse: Contemplation in Martin Heidegger's Philosophy]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 319(6), 93–99.